

Г. П. МЯГКОВ

**НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
В СВЕТЕ «СТАРОЙ» И «НОВОЙ» МОДЕЛИ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ***

В статье рассматриваются модели исследований истории исторической науки дореволюционной России: *первая*, сложившаяся к рубежу 1920–1930-х гг., подходившая к исследуемому научному сообществу с позиций гипертрофированной классовой оценки и усматривавшая в нем «объект репрессии», и *вторая*, формирующаяся на рубеже XX–XXI вв., ориентирующая изучение научного сообщества в системе координат антропологической парадигмы. Подчеркиваются эвристические возможности «новой» модели.

Ключевые слова: *научное сообщество, институционально-коммуникативная сеть науки, научное пространство, советская историография, научная школа, антропологическая парадигма в историографии.*

Понятие *научное сообщество*¹ обозначает совокупность индивидов или коллективов, связанных обменом деятельностью по производству, накоплению или использованию знания и поддерживающих устойчивые межличностные и межгрупповые отношения. Совокупность научных сообществ образует *научное пространство* – систему научных дисциплин, исследовательских практик, историософских концепций, а также *институционально-коммуникативную сеть науки*. Положенное в основу анализа феномена национальной историографии, это понятие понуждает рассматривать последнюю как *многообразие исторически сосуществующих, меняющих друг друга локальных научных сообществ*. Относительная автономность последних задается а) *дисциплинарной*, а внутри ее – проблемной связанностью, б) принадлежностью к структурно обособленным, генетически связанным формальным (кафедра, лаборатория, институт и т.п.) и неформальным (научная школа, «незримый колледж» и т.п.) общностям, выполняющим роль механизмов научной социализации.

Специфика развития историографии как истории исторической науки многие десятилетия в нашей стране (советская историография) состояла в том, что свой предмет познания историки науки рассматривали,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта № 10–01–00403а «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в Новое время».

¹ Введено М. Поланьи в середине 50-х гг. XX в.

во-первых, через опредмечивание уровней функционирования историознания, как то: общеевропейский, национальный, региональный, в масштабе отдельных течений и направлений, конкретной личности как субъекта познания и, во-вторых, в тесной связи исторического познания с политикой изучаемой эпохи, страны. Из возведенной в 1920-е гг. в принцип формулы «история есть политика, опрокинутая в прошлое»², следовало, что дело историографа искать смыслы развития историознания не столько в сфере гносеологии, сколько в политико-идеологической области, дабы обнаружить политические эквиваленты любых исторических практик. Результатом стали отмеченная в конце 1970-х гг. И. Л. Беленьким бессистемность и хаотичность научного аппарата историографии по поводу структурирования историографического пространства дореволюционной России³, а главное – признание *дискретности* этого простран-

² В трудах М. Н. Покровского находим разные формулировки: «История есть самая политическая наука из всех существующих. История это есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего» (*Покровский*. 1933. С. 360); «...история, политика прошлого, чрезвычайно тесно увязана с политикой настоящего» (там же. С. 361). Разъясняя свою формулу связи истории и политики М. Н. Покровский писал: «Изучением истории ради истории... занимались всегда или только очень мелкие и бездарные историки, или умные люди, желавшие спрятать свою политическую физиономию под ворохом цитат и при помощи этого вороха фактически провести взгляды, отвечавшие именно этим политическим интересам того или другого класса» (там же. С. 394).

³ Приведем эти принципиально важные размышления историографа полностью: «В советской историографической литературе распространено довольно большое количество наименований различных направлений (течений) в отечественной науке: дворянское, буржуазное, мелкобуржуазное, пролетарское и т.п., эсеровское, меньшевистское, кантианское, марксистское и т.п. “Школа” – юридическая, государственная, скептическая, “родового быта”, петербургская, киевская, московская, Н. Н. Фирсова, А. С. Лаппо-Данилевского, М. Н. Покровского, А. Л. Сидорова, Н. В. Устюгова и т.п. Говорят также об университетских, академических, неакадемических “школах”. Часто встречается неопределенное выражение “историография” (видимо, как синонимическое “школе” – “направлению” – “течению”) – народническая, либеральная, меньшевистская, марксистская, либерально-буржуазная, консервативная, охранительная. Основания этих наименований, как видим, разнородны: политическая, социальная, общемировоззренческая платформы, объединяющие группы историков; философские и историософские взгляды; метод исследования; суть концепции; предметная область исследований; профессионализм; связь с университетами и другими формальными коллективами; география науки; персонологичность (в имени школы закрепляется имя ее основателя); объективированное (уже в виде историографического исследования) понимание исторической роли того или иного сообщества историков. Сложившаяся к настоящему времени в исторической науке мозаика имен, денотаты которого часто перекрещиваются, налагаются друг на друга, отражает, фиксирует различные по времени и по природе имена: а) само на-

ства, на поле которого действовали противостоящие друг другу течения и направления, отражавшие и выражавшие борьбу классов, и при том все вместе занимавшие позицию «внеположенности» марксистскому историознанию. В описании этой «хаотичности» оказалось зафиксированным и другое существенное качество советской историографии: в центре внимания, как правило, оказывалась проблема выполнения историками идеологической и политической функций. Сформировавшаяся к рубежу 1920–1930-х гг. историографическая модель⁴ заложила традицию выделять направления в науке по классовому признаку⁵. Практика была трагичной: произошедший в Октябре 1917 г. «колоссальнейший из революционных переворотов» (М. Н. Покровский) породил, по определению М. Г. Ярошевского, «... беспрецедентный в истории человеческой культуры феномен репрессированной науки, ибо **объектом репрессии оказалось научное сообщество в целом...**»⁶ (выделено нами. – Г. М.).

Шагами на этом пути стали: погромная критика взглядов Р. Ю. Виппера в 1922–1924 гг.⁷, полемика вокруг книги Д. М. Петрушевского «Очерки экономической истории средневековой Европы»⁸ и самые сильные из нанесенных в период «революции, проведенной сверху», удары по «старой» науке – «академическое дело» (дело академика С. Ф. Платонова)⁹ и дискуссия «Буржуазные историки Запада в СССР» (Москва – Ленинград, декабрь 1930 – февраль 1931 гг.)¹⁰. Дореволюци-

звание школы, направления, течения, т.е. названия “изнутри” в текстах программных, конституирующих..., фиксирующих определенный этап жизни сообщества, подытоживающих, “биографических”; б) синхронные и ретроспективные наименования “со стороны” (в процессе полемики, историографического изучения и т.п.)» (Беленький. 1978. С. 64-65).

⁴ Показателем «завершенности» ее формирования можно считать работу М. Н. Покровского «Историческая наука и борьба классов» (См.: Покровский. 1933).

⁵ М. Н. Покровский выдвинул такую формулу: «...то, что вчера считалось наукой, сегодня является уже не наукой, а в лучшем случае известной подготовкой к науке, известным собиранием материала и т.д.» (Покровский. 1933. С. 351). Конкретно процесс развития русской науки был представлен так: «...для Погодина в 20-х годах XIX в. Карамзин не был наукой... Через 30 лет сам Погодин уже не был больше наукой... прошло еще 40 лет, и в 90-х годах XIX в. ...то, чему обучал В. И. Герье для школы Виноградова было не исторической наукой, а “герьеведением”, чем-то совершенно особенным, что с исторической наукой ничего общего не имеет» (там же. С. 352).

⁶ Ярошевский. 1991. С. 10-11.

⁷ См.: Покровский. 1922; Фридлянд. 1923; Карев. 1924. Анализ см.: Мягков. 1994. С. 59-87.

⁸ См.: Диспут о книге Д. М. Петрушевского...

⁹ См.: Брачев. 1989.

¹⁰ См.: Буржуазные историки Запада в СССР...; Фризман. 1932.

онное наследие было отринуту напрочь теми, кто видел в истории «самую политическую науку из всех существующих»¹¹, отрицалась и какая-либо родословная связанность «новой», марксистской науки с академическим наследием прошлого.

Падение «школы Покровского» с ее претензиями построения чисто «пролетарской» науки радикально не изменило ситуацию в вопросе об отношении к наследию прошлого. Но можно отметить, что после Постановления ЦК ВКП(б) от 26 января 1936 г. «О преодолении антинаучных взглядов на историческую науку», *во-первых*, в условиях выдвигания «великодержавных» задач сталинизма все же востребованными оказывались некоторые известные фигуры, имевшие «державные» заслуги или заслуги по части продвижения марксизма в Россию, а *во-вторых*, ко второй половине 1930-х – началу 1940-х гг. относятся и первые попытки изменить сложившийся канон отношения к «буржуазному наследию»¹². Тогда появляются историографические труды¹³, авторы которых, проявив научную смелость и гражданское мужество, в рамках своих дисциплин предпринимают попытку *целостно* взглянуть на историографический процесс, вводя в свои исследования идеи *преемственности* и *эволюционности* накопления исторических знаний. И хотя достичь указанного в силу того, что в основу анализа историографического процесса была положена вытекающая из принципа классового подхода идея «связанности» творчества изучаемых историков такими «звеньями» как направления и течения¹⁴, отражавшими и выражавшими ситуацию классового

¹¹ Покровский. 1933. С. 360.

¹² См.: Шаханов. 2005. С. 199.

¹³ См.: Вайнштейн. 1940; Рубинштейн. 1941. В этом ряду следует указать, что в 1938 г. Е. А. Косминский приступил к чтению новаторского для своего времени лекционного курса «Историография средних веков». Важной его задачей автор считал «дать оценку каждому историку, каждой исторической школе...» (Косминский 1963. С. 9). Описывая методологию решения этой задачи, Е. А. Косминский, наряду с «жесткой» формулировкой «критических и полемических задач» курса («решительно разоблачать ограниченность буржуазного понимания истории», «...учить отбрасывать негодное и обличать враждебное» и т.п.), выдвигает позитивные: «Для нас *более ценно и важно* расширение сферы тех фактов, которыми оперирует историография, уточнение методики развития исследовательской техники. Это то, чему можно *учиться у историков предшествующих поколений*» (там же; выделено нами. – Г. М.). Курс, читавшийся в 1938–1947 гг., в печатном виде увидел свет лишь в 1963 г., фактически став только с этого времени фактом историографии.

¹⁴ Так, по О. Л. Вайнштейну, в российской медиевистике позиции ученых определяются их принадлежностью к таким общностям как: ««направления» западничества и славянофильства», «либерально-позитивистское направление второй половины XIX в.», «реакционное направление» (связываемое с русским византиноведением),

противостояния, позиция Н. Л. Рубинштейна, О. Л. Вайнштейна, М. Н. Тихомирова и др. была встречена критически. Более того, их труды превратились в предмет проработки в идеологической кампании 1947 г. и последующих лет, которая имела задачу вновь переопределить образ исторической науки в условиях усиления «холодной войны» и стремления власти в очередной раз инструментализировать науку¹⁵.

Траекторией развития новой тенденции стал путь от «Русской историографии» Н. Л. Рубинштейна к «Очеркам истории исторической науки в СССР»¹⁶: в многотомном издании¹⁷ оказалось промаркированным все исследовательское поле в соответствии с принципами классовости и партийности.

Наступивший в СССР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. период хрущевской «оттепели» отмечен возрастанием объема исследовательских работ по методологии и истории исторической науки, а главное – сокращением функции доношительства, которая культивировалась в историографических трудах периода борьбы за «пролетарскую историческую науку». Обнаруживалось расхождение задач идеологической борьбы и стремлений к научной истине. Своеобразной формой достижения последней стал феномен «замещенного» познания, позволяющий корректировать, а в иных доменах и преодолевать утвердившийся концептуальный строй, стиль мышления и т.п.¹⁸ На практике произошла переакцентировка определенных в известной формуле В. И. Ленина и положенных в основу деятельности советских историографов задач: не забывая повторять превращенную в заклинание формулу о необходимости *отсекать* «реакционные тенденции», «бороться со всей линией враждебных... сил и классов», историки переносили акцент на вторую часть «формулы»: «суметь усвоить себе и переработать те завоевания», которые делались буржуазными исследователями¹⁹. В ряде историографиче-

«позитивистское направление» (очевидно, синоним «либерально-позитивистского»). Н. Л. Рубинштейн выделяет и рассматривает направления по политическому признаку: «западничество», «правое крыло западников», «народническое направление», «официальное направление», «славянофильское направление», «экономическое направление», «направление легального марксизма» (см.: *Рубинштейн*. 1941. С. 290, 388, 415, 433, 535). Используя категорию «школа», он часто понимает под означаемым опять-таки «направление» (например, «карамзинское направление», «скептическое направление» Каченовского, «славянофильская школа» (там же. С. 497).

¹⁵ См.: *Корзун, Колеватов*. 2006; *Шаханов*. 2005.

¹⁶ См.: *Корзун, Колеватов*. 2006. С. 238.

¹⁷ См.: *Очерки истории исторической науки в СССР*. 1955; 1960; 1963.

¹⁸ См.: *Бухараев, Жигунин*. 1996. С. 553.

¹⁹ *Ленин*. С. 364.

ских работ проявляется тенденция преодоления жесткой социализации науки и признание – на уровне констатации – ее автономности²⁰.

И все же принципиально суть подхода к наследию прошлого не изменилась. Второй и третий тома «Очерков...», весь комплекс историографических работ 1960–1980-х гг., в том числе последовавшие монографические исследования²¹, созданный комплекс учебной литературы по историографии²² весьма наглядно подтверждали наблюдение Э. Хобсбаума, сделанное на основании сравнительных исследований, что марксистской историографии присущ путь изучения способов производства знания через выявление доминирующей системы общественных отношений, причём как системы иерархической, внутренне конфликтной, и постоянно изменяющейся²³.

Первостепенное внимание продолжало уделяться таким “звеньям” развития общественной и исторической мысли как течения и направления: именно в них фокусировались политические, идеологические и философские ориентации историков, между ними разворачивались идеологические сражения, в принадлежности к ним выражались классовые позиции. Другой стороной рассмотрения процесса развития исторической науки в рамках социально-политических подходов была недооценка, а то и игнорирование «схоларной» проблематики – вопросов о месте и роли научных школ и иных организационных форм развития науки. Она, по определению В. П. Корзун, «реанимируется» с конца 1970-х гг. Школы рассматривались как продукт мировоззренческих установок эпохи, но не как сила, влияющая на эти установки и меняющая их. Теоретически обозначенное видение строения науки было выражено Е. В. Гутновой²⁴, когда при классификации школ, направлений и течений автор четко и открыто сформулировал иерархический принцип.

²⁰ Выход за рамки жесткого канона фиксируется с 1960-х гг. Корзун. 2003. С. 37.

²¹ См., напр.: Цамутали. 1971; 1977; 1986. Узлом построений историографа является исследование борьбы течений / направлений; методом – анализ дискуссий, разворачивавшихся в российской исторической мысли вокруг тех или иных проблем исторического прошлого или значительных явлений в самом историознании, связанных с выходом в свет тех или иных произведений и т.п.

²² См.: Историография... 1967; Историография... 1968; Историография истории СССР. 1971; Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. 1977 и др.

²³ См.: Hobsbawm. 1971; Олабарри. 2004. С. 180. Не случайно, в условиях «холодной войны» жесткой критике подвергалось каждое «одностороннее, излишне благодушное отношение к буржуазно-либеральной русской медиевистике прошлого» (Гутнова. 1967. С. 440).

²⁴ См.: Гутнова. 1974. 2-е изд. М., 1984.

Начало 1990-х гг. историография отечественной исторической науки встречала в новых исторических условиях. Они задавались, с одной стороны, кризисом доверия к историознанию, к трудам «прорицателей прошлого», скомпрометировавших себя выполнением идеологических функций, связанных с обслуживанием системы, а с другой – выходом исторической науки из жестких рамок социального проекта. Стремление вырваться за границы его, преодолеть традиции советского периода, обеспечивалось тем, что сама наука пришла к ситуации, когда, говоря словами А. Я. Гуревича, «...накопление нового материала подводит исследователей к новым рубежам, и они начинают пересматривать то, что казалась абсолютно ясным и аксиоматическим».

Становление и развитие науковедческих исследований в 1980–90-е годы имело реальным результатом радикальный сдвиг в осмыслении и понимании механизмов функционирования научного знания, в том числе исторического. Исследователи обратили внимание на изучение внутренней социальности исторической науки, в результате «научное сообщество начали рассматривать в иной системе координат, что является отражением становления антропологической парадигмы в историографии»²⁵, ориентированной на анализ не столько готового знания, сколько способов его получения, направлений научного поиска. Это объективно стимулирует интерес к изучению творческой личности, личностного мира научных сообществ, нормативных регулирующих ценностей внутри них. Тем самым был брошен вызов «старой» модели историографического исследования с гипертрофированной классово-окраской.

Результаты исследований, осуществленных в последнее десятилетие в условиях перехода к новой парадигме, позволяют сформулировать следующую гипотезу: историческая наука дореволюционной России прошла путь от *появления первых профессионалов-историков до складывания целостного научного сообщества*, пространство которого определялось сформировавшейся и достигшей известной развитости институционально-коммуникативной сетью.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беленький И. Л. К проблеме наименования школ, направлений, течений в отечественной исторической науке XIX–XX вв. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин, 1978. Ч. II. С. 64–65.
- Брачев В. С. «Дело» академика Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117–129.

²⁵ Корзун. 2000. С. 48.

- Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 44-66.
- Бухараев В. М., Жигунин В. Д. «Замещённое» познание: историческая мысль против моноидеологии (60–80-е годы XX в.) // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 552-563.
- Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. М.; Л., 1940. 375 с.
- Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М., 1974. 399 с.
- Гутнова Е. В. Советская медиевистика с середины 30-х гг. до 1966 г. // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 5. Томск: Изд-во ТГУ, 1967. С. 370-456.
- Диспут о книге Д. М. Петрушевского. (О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке) // Историк-марксист. М., 1928. Т. 8.
- Историография истории СССР. Изд. 2. М., 1971. 460 с.
- Историография нового времени стран Европы и Америки. М.: Изд-во МГУ, 1967. 670 с.
- Историография новейшей истории стран Европы и Америки. М.: Изд-во МГУ, 1968.
- Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М.: Изд-во МГУ, 1977. 576 с.
- Карев Н. Профессор истории в круговороте жизни // Под знаменем марксизма. 1924. № 1.
- Корзун В. П. Локальные научные сообщества в интеллектуальном ландшафте провинции // Методология региональных исторических исследований: Материалы международного семинара. СПб., 2000.
- Корзун В. П. Научные сообщества в исторической науке как исследовательская проблема // Исторический ежегодник, 2002–2003. Омск, 2003.
- Корзун В. П., Колеватов Д. М. Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006.
- Косминский Е. А. Историография средних веков. М.: Изд-во МГУ, 1963. 430 с.
- Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 364.
- Мягков Г. П. Наставница в роли ученицы. Теоретические исследования Р. Ю. Виппера в координатах науки и идеологии // Рубеж. Вып. 5. Сыктывкар, 1994. С. 59-87.
- Олабарри И. «Новая» новая история: структура большой длительности // Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Вып. 2. Харьков, 2004.
- Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 692 с.; Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. I, II. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1933.
- Покровский М. Н. Проф. Р. Виппер о кризисе исторической науки // Под знаменем марксизма. 1922. № 3.
- Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 659 с.
- Фридлянд Ц. Круговорот профессора истории // Печать и революция. 1923. № 6.

- Фризман Д.* Против буржуазных влияний на советскую историографию. Аграрный строй Франции накануне Великой революции // Проблемы марксизма. 1932. № 4-5. С. 91-116.
- Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. Л.: Наука, 1986. 351 с.
- Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л.: Наука, 1977. 256 с.
- Цамутали А. Н.* Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х годов XIX в. Л.: Наука, 1971. 252 с.
- Шаханов А. Н.* Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна // История и историки: историографический вестник. М., 2005.
- Ярошевский М. Г.* Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 6-33.
- Hobsbawm E. J.* From the Social History to the History of Society // Daedalus. 1971. № 100. P. 20-45.

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор Казанского (Поволжского) Федерального университета; gmyagkov@yandex.ru.